

В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Культура никогда

не подавляет

Как живет популярному актеру Арнису Лицитису в новой Латвии

Российские зрители знают Арниса Лицитиса по многим фильмам. Он из тех актеров, кто запоминается даже в эпизодической роли. Однако, встретившись в рижском кафе на улице Бривибас (бывшая Ленина), мы разговорились с господином Лицитисом не о кинематографе или театре. Я спросила, как ему живется в изменившейся за последние годы Латвии. Она стала другой — не лучше или хуже, а просто другой, и мне хотелось понять, как чувствует себя в этой другой жизни латышский актер, чья судьба сложилась — и достаточно благополучно — еще при СССР.

Мой собеседник охотно пошел на такой разговор. Правда, предупредил, что с латвийским журналистом говорил бы несколько иначе, чем с представителем российской прессы.

— Я не боюсь говорить то, что думаю, но мне не нравится, как у вас подаются события в Латвии. В России очень много людей, которые радуются, когда кто-то здесь жалуется, говорит о нас плохое.

— Плохое о чем? По-моему, и у нас, и у вас проблем хватает, их и придумывать не надо.

— Это так, я бываю в России. Но дело не в этом. Вот сидим в компании в Москве. И один парень — не старик какой-нибудь, пропагандист коммунистической идеологией, а молодой человек — заявляет: «У вас в Латвии русским жить не дают». Я возмутился. Мой друг, русский бизнесмен, тоже. Он хорошо знает Латвию. Если бы русским у нас плохо жилось, они были бы беднее латышей. Но это не так. Посмотрите — из десяти банков, фирм русским принадлежит девять. Почти все магазины тоже. Это не похоже на «невыносимые условия», верно?

— По-моему, у всех нас сохранилась чисто советская привычка: обожаем выяснять, кому труднее живется.

— Что ж, мне действительно не легко. Я актер, в Латвии мой труд почти не оплачивается. Вот возникла проблема: я живу в центре Риги, в доме, хозяин которого вернулся и имеет право продать свою собственность. Жильцам при этом предлагается жилье где-нибудь на окраине, да еще и по стандартам советского времени. Наш дом продан фирме (русской, кстати), которая, в свою очередь, перепродает квартиры богачам. И я за квартиру, в которой всю жизнь прожил, должен выложить 35 тысяч долларов. Но я даже кредит не могу получить — нет родственников в банке. Я, конечно, кручусь, на хлеб зарабатываю. Но не дай Бог заболеть или ногу сломать...

— А хотелось бы разбогатеть?

— Конечно.

— И что бы стали делать?

— Занимался бы за гроши любимым делом — актерством, а из тумбочки, где деньги лежат, брал бы, сколько надо, на жизнь.

— В советские времена на вашу квартиру никто бы не посягнул. И больничные бы оплачивали исправно. Не хочется назад, в прошлую жизнь?

— В коммунистическую империю? Ни в коем случае! Мы наконец-то добились независимости — ради этого стоило жить, — а у вас все те же имперские амбиции, давление на другие народы. Посмотрите, кто нынче воюет. Не Англия, США или Германия — сербы да русские.

— Вообще-то на Мальвинских островах воевали и Ирак бомбили, по-моему, не русские. Вы что, всерьез считаете, что у Латвии есть основания опасаться восточного соседа?

— Чеченская война это доказывает.

— Ладно, Арнис, тогда давайте о национальном характере. Какие вы, латыши?

— Очень гостеприимные, терпеливые. Этим многие пользовались. Латыши никогда против приезжих враждебно не выступали. Если и можно в Латвии предположить какие-то социальные всплески, волнения, то, скорее, от русских. В основном они и участвуют в нынешних акциях.

— А вы в каких-нибудь митингах, акциях участвовали?

— Нет. Политика меня не интересует.

— Политик сродни актеру. В одном интервью рижской газе-

те вы сказали: политики тоже играют. И тоже за деньги — только очень большие.

— Я не хожу голосовать, как не делал этого и при Брежнев. Я всегда чувствовал себя свободным человеком. Я ходил на баррикады на Домской площади в девяносто первом году. Не сидел, конечно, с кирпичом в руке, а еду носил тем мужикам ночью. Было потрясающе интересно. Но беда в том, что в парламент потом пришли хапуги. Даже если кто и не берет взятки, он все равно лоббирует чьи-то интересы. Ни один закон не улучшил мою жизнь, все они — для богатых. Вот говорят: русским не дают гражданства, они ущемлены в правах. Да что мне, латышу, дает это гражданство?

— А вы тоже считаете, что если все «оккупанты» из Латвии уедут, латышам достанется больше благ — собственности, денег, рабочих мест, квартир?

— Ну оккупанты, то есть армия, уже уехали. Но вообще-то получается так. Все, что у нас есть, было создано общим трудом — в том числе и нами. Все было при социализме общее. В один прекрасный день наступил другой строй, и хозяевами этого общего почему-то стали Янис, Боря, Вася. Может, если бы Боря с Васей уехали, и мне бы что-то перепало?

— Да вы национал-радикал, господин Лицитис.

— Нет. Если бы я им был, прикнел бы к какой-нибудь партии. То, что я говорю о русских, которые живут в Латвии лучше нас, — это ответ на разговоры у вас, что они тут бедствуют. У меня никогда не было проблем, связанных с национальной принадлежностью. И контактировал я всегда с русскими, пожалуй, даже больше, чем с латышами. Я очень много жил в России, влюблен в Петербург, у меня там и в Москве замечательные друзья.

— Вы много снимались на студиях республик Советского Союза. Как вы считаете, какая картина из тех, в которых вы играли, была самой популярной?

— «Воры в законе». Ажиотаж был потрясающий. В Сибири я видел, как зрители двери выламывали в кинотеатре. С этой картиной мы объехали чуть ли не весь Союз. Время было горбачевское, мы о многом только начинали тогда узнавать, а материал там был суровый. Я снимался у многих прекрасных режиссеров. И знаете, если даже роль была не лучшей, но на съемках меня окружали неординарные люди, я с радостью воспринимал общение с ними.

— К вопросу об искусстве: разговоров о том, что русская культура подавляла латышскую, тоже было немало.

— Культура никогда не подавляет, подавлять могут неумные люди. Посмотрите, какое у нас искусство, поэзия, живопись потрясающая, дизайн. У нас есть свой вкус, замечательные традиции. Даже по тому, как одеваются люди, это видно.

— Чем вы заняты сейчас?

— Когда Паулс, став министром культуры, разогнал Молодежный театр, в латышской труппе которого я играл...

— А зачем он, кстати, это сделал?

— Ну я так думаю, что советскую армию из Латвии выдворить ему было не под силу, а очки у нации надо было как-то зарабатывать. Адольф Шапиро был безумно талантлив, каждый его спектакль становился событием. Он поднял творческую планку так высоко, что другим ее преодолеть было не под силу, а латыши завистливы. Очевидно, Паулс не мог смириться, что рядом — такая личность. И Шапиро вместе с русской и латышской труппой оказался на улице. Я два года был без работы, ездил с концертами по России. Потом нас на спонсорские деньги приютил Дворец культуры ВЭФа. Я сыграл там Мехки в «Трехгрошовой опере», индейца Джо в «Томе Сойере». Поддерживал нас замечательный человек — бизнесмен господин Чесноков, целый год деньги давал. Кроме того, я немного пою. У нас есть ансамбль, мы играем джаз, самбы, басанову. Тихая, спокойная музыка. Выступаем в клубе, на балах, презентациях. Получаем гроши, но это доставляет нам удовольствие. Работаю в рекламе. А еще я сумел реализовать свою давнюю идею: снимаю видеосюжеты на тему быта, политики, армии, эротики, спорта. Сами придумываем, играем, снимаем.

— Вы верите в способность человека пересмотреть свои взгляды, по-новому построить свою жизнь, стать другим?

— Очевидно, это возможно. Но почему-то мне никогда не приходилось менять свои взгляды, я других не имел. Вот сейчас, когда стало можно, все кричат: да здравствует свободная Латвия, ура! Где они раньше-то были? В партии! Это хамелеоны. Почему я должен забыть, что раньше эти люди прекрасно жили, проповедавая совсем другую идеологию?

— Это для вас — главный вопрос?

— Нет. Сейчас главный вопрос в том, что кто-то бедный, а кто-то богатый.

— И в том, что кто-то латыш, кто-то украинец, кто-то русский? Национальная идея, которая способна овладеть массовым сознанием, если ее умело подать, существует.

— Национальная идея для меня естественна, каждый народ должен жить, как хочет. Но я объездил много стран и понял, что человек может жить везде, ну кроме разве что Северной Кореи.

— Арнис, можно классический вопрос? Кого вам сейчас в вашем теперешнем настроении больше всего хотелось бы сыграть?

— Я поклонник детективов, боевиков, упругой драматургии. Мне интересно играть сложный характер.

— А от российских режиссеров в последнее время были предложения?

— Поеду скоро в Петербург, Иванов пригласил на картину. Но подробно говорить об этом не хочу. Сейчас ведь, пока мотор не включен, ни в чем нельзя быть уверенным.

— Поедете, встретитесь с друзьями...

— И уж будем разговаривать не только о межнациональных отношениях. Хотя и об этом тоже, конечно. Но мы-то всегда находим общий язык.

Ольга БОГУСЛАВСКАЯ, спец. корр. «Труда», РИГА — МОСКВА.